

**Время выполнения задания – 240 минут.
Максимальное количество баллов – 100.**

Внимательно прочитайте формулировки двух заданий разного типа.

Выберите и выполните то задание, которое позволит вам наиболее полно проявить ваши знания, навыки и творческую индивидуальность.

ВНИМАНИЕ: необходимо выполнить только ОДНО задание!

1. Сочинение (эссе) по одной из трех тем.

Продуманно и логично постройте свое рассуждение! Работа обязательно должна строиться на материале конкретных *литературных* произведений. Не забудьте о том, что у любого сочинения/эссе должны быть вступление (где вы формулируете проблему, обосновываете выбор произведений для анализа, обозначаете то, на что вы собираетесь обратить особое внимание), основная часть (где вы подробно и аргументированно развиваете ваши тезисы, приводите доводы «за» и «против», обосновываете вашу точку зрения и подходите к выводу) и заключение (где вы подводите итог всему сказанному, выделяете главное, делаете вывод из вашего рассуждения).

Темы сочинения:

1. Какие литературные герои вам глубоко неприятны?
2. Почему детективы пользуются популярностью?
3. Какие рассказы (повести, романы) вам бы хотелось проиллюстрировать?

2. Сопоставительный анализ

«Повести покойного Ивана Петровича Белкина» и «Вечера на хуторе близ Диканьки, повести, изданные пасичником Рудым Паньком» были литературными мистификациями А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя (первые читатели не знали, кем на самом деле эти сочинения написаны). Сопоставьте фрагменты из предисловий Пушкина и Гоголя к этим сборникам, характеризующие их «подставных авторов». Выделите элементы содержания и формы (особенности лексики, стиля, обрисовка среды, «биографические сведения» и т. д.), свидетельствующие о сходстве и различии текстов. Не забывайте, что на основе ваших наблюдений следует сделать обобщающие выводы. Иллюстрируйте свою точку зрения примерами из текстов.

Иван Петрович Белкин родился от честных и благородных родителей в 1798 году в селе Горюхине. Покойный отец его, секунд-майор Петр Иванович Белкин, был женат на девице Пелагее Гавриловне из дому Трафилиных. Он был человек не богатый, но умеренный, и по части хозяйства весьма смышленный. Сын их получил первоначальное образование от деревенского дьячка. Сему-то почтенному мужу был он, кажется, обязан охотою к чтению и занятиям по части русской словесности. В 1815 году вступил он в службу в пехотный егерский полк (числом не упомню), в коем и находился до самого 1823 года. Смерть его родителей, почти в одно время приключившаяся, понудила его подать в отставку и приехать в село Горюхино, свою отчину <...>

Кроме повестей, о которых в письме вашем упоминать изволите, Иван Петрович оставил множество рукописей, которые частью у меня находятся, частью употреблены его ключницею на разные домашние потребности. Таким образом прошлую зимою все окна ее флигеля заклеены были первою частию романа, которого он не кончил. Вышеупомянутые повести были, кажется, первым его опытом. Они, как сказывал Иван Петрович, большею частию справедливы и слышаны им от разных особ. Однако ж имена в них почти все вымышлены им самим, а названия сел и деревень заимствованы из нашего околка, отчего и моя деревня где-то упомянута. Сие произошло не от злого какого-либо намерения, но единственно от недостатка воображения. Иван Петрович осенью 1828 года занемог простудною лихорадкою, обратившеюся в горячку, и умер, не смотря на неусыпные старания уездного нашего лекаря, человека весьма искусного, особенно в лечении закоренелых болезней, как то мозолей, и тому подобно. Он скончался на моих руках на 30-м году от рождения, и похоронен в церкви села Горюхина близ покойных его родителей. Иван Петрович был росту среднего, глаза имел серые, волоса русые, нос прямой; лицом был бел и худощав. Вот, милостивый государь мой, все, что мог я припомнить, касательно образа жизни, занятий, нрава и наружности покойного соседа и приятеля моего.

А. С. Пушкин. От издателя. (В заметке «издатель» приводит письмо соседа и друга И.П. Белкина)

«Это что за невидаль: „Вечера на хуторе близ Диканьки“? Что это за „Вечера“? И швырнул в свет какой-то пасичник! Слава Богу! еще мало ободрали гусей на перья и извели тряпья на бумагу! Еще мало народу, всякого звания и сброду, вымарало пальцы в чернилах! Дернула же охота и пасичника потащиться вслед за другими! Право, печатной бумаги развелось столько, что не придумаешь скоро, что бы такое завернуть в нее».

Слышало, слышало вещее мое все эти речи еще за месяц! То есть, я говорю, что нашему брату, хуторянину, высунуть нос из своего захолюстья в большой свет — батюшки мои! Это все равно как, случается, иногда зайдешь в покои великого пана: все обступят тебя и пойдут дурачить. Еще бы ничего, пусть уже высшее лакейство, нет, какой-нибудь оборванный мальчишка, посмотреть — дрянь, который копается на заднем дворе, и тот пристанет; и начнут со всех сторон притопывать ногами. «Куда, куда, зачем? пошел, мужик, пошел!..» Я вам скажу... Да что говорить! Мне легче два раза в год съездить в Миргород, в котором вот уже пять лет как не видал меня ни подсудок из земского суда, ни почтенный иерей, чем показаться в этот великий свет. А показался — плачь не плачь, давай ответ.

У нас, мои любезные читатели, не во гнев будь сказано (вы, может быть, и рассердитесь, что пасичник говорит вам запросто, как будто какому-нибудь свату своему или куму), — у нас, на хуторах, водится издавна: как только окончатся работы в поле, мужик залезет отдыхать на всю зиму на печь и наш брат припрячет своих пчел в темный погреб, когда ни журавлей на небе, ни груш на дереве не увидите более, — тогда, только вечер, уже наверно где-нибудь в конце улицы брезжит огонек, смех и песни слышатся издалеча, бренчит балалайка, а подчас и скрипка, говор, шум... Это у нас вечерницы! Они, изволите видеть, они похожи на ваши балы; только нельзя сказать чтобы совсем. На балы если вы едете, то именно для того, чтобы повертеть ногами и позевать в руку; а у нас соберется в

одну хату толпа девушек совсем не для балу, с веретеном, с гребнями; и сначала будто и делом займутся: веретена шумят, льются песни, и каждая не подымет и глаз в сторону; но только нагрянут в хату парубки с скрипачом — подымется крик, затеется шаль, пойдут танцы и заведутся такие штуки, что и рассказать нельзя.

Но лучше всего, когда собьются все в тесную кучку и пустятся загадывать загадки или просто нести болтовню. Боже ты мой! Чего только не расскажут! Откуда старины не выкопают! Каких страхов не нанесут! Но нигде, может быть, не было рассказываемо столько диковин, как на вечерах у пасичника Рудого Панька.

Н.В. Гоголь. Предисловие к первой книжке «Вечеров на хуторе близ Диканьки».